

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ*

Пружинин Борис Исаевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: prubor@mail.ru

Щедрина Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор. Московский педагогический государственный университет. Российская Федерация, 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1; e-mail: tannirra@mail.ru

Цель статьи – продемонстрировать методологическую эффективность одного из направлений разработки философии науки – культурно-исторической эпистемологии. Авторы полагают, что именно разработка методологических норм, способных определять основополагающие параметры и стратегии научных исследований, является ныне центральной задачей философии науки. Дело в том, что одной из характерных форм организации современной продвинутой науки являются междисциплинарные исследовательские программы, предполагающие совместную деятельность больших научных коллективов, что остро ставит вопрос о взаимопонимании специалистов разных дисциплин и, соответственно, о разработке методологических норм, способных определять общепринятые параметры воспроизводимости результатов познания. Таким образом, в центр внимания философии науки выдвигаются эпистемологические сюжеты, так или иначе связанные с конкретным осмыслением феномена общения в науке. Причем, по мнению авторов, в этих философско-методологических поисках очень важно преодолеть, с одной стороны, увядшую от реальных методологических запросов науки склонность к концептуальному конструированию, а с другой, прямолинейную социологизацию и столь же прямую историзацию науки. Эти подходы чреватые релятивизацией самой идеи научного познания как рационального феномена культуры. Авторы статьи полагают, что в современных концептуальных трендах философии науки необходимо акцентировать вполне традиционные эпистемологические принципы, которые в их обновленной редакции позволяют активизировать, или, если угодно, реанимировать, отчасти утерянные сегодня методологические функции философии науки. Обосновывая этот подход, авторы обращаются к эпистемологическому направлению, которое уже два десятилетия разрабатывается с опорой на традиции русской философии первой половины XX в.

Ключевые слова: Методология, общение, цели научно-познавательной деятельности, принципы культурно-исторической эпистемологии, методологические функции философии науки, эпистемологические традиции русской философии, воспроизводимость

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798). The research was carried out with financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project “New tendencies of the humanities and social sciences development in the context of digitalization and new social problems and threats: interdisciplinary approach”, Agreement No. 075-15-2020-798).

CULTURAL-HISTORICAL EPISTEMOLOGY AND PERSPECTIVES OF THE PHILOSOPHY OF SCIENCE

Boris I. Pruzhinin –
DSc in Philosophy,
Chief Research Fellow,
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow 109240,
Russian Federation;
e-mail: prubor@mail.ru

Tatiana G. Shchedrina –
DSc in Philosophy, Professor,
Moscow State Pedagogical
University.
1 Malaya Pirogovskaya St.,
Moscow 119435,
Russian Federation;
e-mail: tannirra@mail.ru

The purpose of the article is to demonstrate the methodological effectiveness of one of the directions in developing the philosophy of science – cultural and historical epistemology. Cultural-historical epistemology does not pretend at all to be any radical epistemological originality but offers a general view of science as a part of intellectual culture, where both individual historical cases and broad sociological generalizations find their methodologically significant place. The authors believe that it is the development of methodological norms capable of determining the fundamental parameters and strategies of scientific research that is now the central task of the philosophy of science. One of the characteristic forms of organization of modern advanced science is interdisciplinary research programs that involve the joint activities of large research teams. This fact raises a critical question about the mutual understanding of specialists from different disciplines and, accordingly, about the development of methodological norms that can determine the generally accepted parameters of the reproducibility of cognition results. Thus, in the center of attention of the philosophy of science, epistemological plots are put forward, one way or another connected with a specific understanding of the phenomenon of communication in science. Moreover, according to the authors, in these philosophical and methodological searches, it is essential to overcome, on the one hand, the inclination to conceptual design that leads away from the real methodological needs of science and, on the other hand, straightforward sociologization and equally direct historicization of science. These approaches are fraught with relativization of the very idea of scientific knowledge as a rational phenomenon of culture. The authors of the article believe that in modern conceptual trends in the philosophy of science, it is necessary to accentuate quite traditional epistemological principles, which in their updated edition make it possible to activate, or, as it were, to revive the methodological functions of the philosophy of science that are partially lost today. Justifying this approach, the authors turn to the epistemological trend, which for two decades has been developed based on the traditions of Russian philosophy of the first half of the 20th century.

Keywords: methodology, communication, ends of scientific and cognitive activity, principles of cultural and historical epistemology, methodological functions of philosophy of science, epistemological traditions of Russian philosophy, reproducibility

Специфика методологических запросов современной науки связана, на наш взгляд, в основном с особенностями ее социокультурного статуса. Наука стала важнейшей социально-экономической подсистемой общества, и это обстоятельство заметно сказывается на всех уровнях научно-познавательной деятельности, включая собственно когнитивные процессы. Сквозная социализация науки не только важный аспект

организации производства знаний, запрашиваемых социумом, но и фактор, влияющий (в частности, через прикладные установки) на разработку конкретных исследовательских стратегий и на критерии оценки научными сообществами эпистемологического статуса получаемого знания. Такого рода влияния обнаруживаются в коллективных исследовательских программах, реализация которых предполагает не только серьезные организационные усилия, но и разработку междисциплинарной эпистемологической составляющей. В самосознании науки возникают потребности в особых, коллективных методологических ориентирах, адекватных соответствующим задачам¹. В этом контексте культурно-историческая эпистемология выдвигает на передний план философских исследований науки проблематику общения (см.: Pruzhinin, Shchedrina, 2017]).

Разработка методологических ориентиров, способных определять основополагающие параметры такого рода коллективных научных исследований, предполагает осмысление специфических форм общения сотрудничающих ученых. В ходе такого рода совместной работы остро встает вопрос об условиях, позволяющих ученым различных специальностей, говорящим на «разных» языках, а зачастую руководствующимся методологически вариативными установками, понять друг друга для реализации общей цели. Причем вопрос этот имеет далеко не локальное, так сказать, техническое значение, применительно лишь к познавательным ситуациям, возникающим в конкретных исследовательских программах. Взаимопонимание ученых в принципе является предпосылкой реализации, пожалуй, основополагающего условия возникновения и дальнейшего существования науки как деятельности, по самой своей сути, т.е. в любых своих формах, коллективной. Коллаборация в современных экспериментально-поисковых исследованиях лишь заостряет этот фундаментальный для науки вопрос, поскольку условием существования науки как таковой, в точном смысле, является обусловленная взаимопониманием ученых воспроизводимость результатов познания – возможность реплицировать данное знание, используя принятые (взаимопониманием мотивированные) методы его получения.

Именно таким образом, на наш взгляд, в центр внимания философии науки выдвигаются эпистемологические сюжеты, так или иначе связанные с осмыслением феномена общения, т.е. с анализом

¹ Особенно остро эта потребность обнаруживается в области экспериментально-поисковых исследований, предполагающих высокий уровень сложности и разнородности их технологической базы, а стало быть, сотрудничество специалистов самых различных, зачастую, весьма далеких друг от друга профилей. О возникающих здесь методологических проблемах, имеющих культурно-исторические аспекты, см. работы: [Galison, 1997; Галисон, 2018; Пронских, 2018; Пронских, 2020; Perović, 2020; Franklin 2020].

проблем понимания и непонимания, возникающего в ходе взаимодействия ученых различных направлений и специальностей. Причем общение это отнюдь не сводится к простой передаче информации – речь идет о достижении методологического консенсуса в контексте общей цели исследования. Более того, встает вопрос об основополагающих культурных целях науки, которые изначально, с момента ее возникновения придавали смысл и экзистенциально насыщенную мотивацию коллективной познавательной деятельности – встает вопрос о достижении методами науки общезначимого видения мира, истинного знания. Но ведь репликацию знания, очевидно, обеспечивают принятыми сообществами ученых (благодаря методологическому сознанию самих ученых и усилиям методологов) методы науки. Именно на этот комплекс методологических вопросов и ориентируется культурно-историческая эпистемология.

В данном случае одним из центральных пунктов культурно-исторической эпистемологии становится трактовка феномена науки как специфической сферы общения, внутри которой формируются познавательные способности отдельных ученых и артикулируются различные смыслы их деятельности. И в этом контексте язык науки предстает отнюдь не в виде некоей самодостаточной, замкнутой предметной сферы, описание которой (как полагали позитивисты) дает нам стандартные нормы научного исследования. С точки зрения культурно-исторической эпистемологии, язык науки рассматривается как «сфера разговора» [Шпет 2005, с. 583], т.е. реальность общения, погруженная в деятельность ученых и не существующая в отрыве от их повседневных научных практик (а потому – динамичная). Культурно-историческая эпистемология опирается, в данном случае, на трактовку языка, акцентирующую знаково-символическое измерение языковой деятельности, трактовку, восходящую к идеям В. фон Гумбольдта². В отечественной философии эта идея была подхвачена и развита Г.Г. Шпетом (идея «внутренней формы слова»). Позднее на эту идею опирался ученый Г.Г. Шпета Н.И. Жинкин, подчеркивавший включенность языка в речевую активность субъекта. А собственно методологический ракурс внутренней логики этих идей, очень ясно осознал в свое время Шпет, когда подчеркивал, что методология начинается там, где ученый стремится выразить, объяснить и обосновать знание для другого, и что именно в этом ракурсе открывается перспектива исследования (выявления и проблематизации) методологической составляющей знания в научных текстах и общении. На наш взгляд, этот ракурс методологического исследования актуален сегодня для осмысления проблематики методологически значимого общения и в сфере гуманитарных

² Гумбольдт настаивал: «Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [Гумбольдт, 2000, с. 70].

исследований, и в полидисциплинарных экспериментально-поисковых программах мегасайенс.

В контексте последних замечаний мы считаем необходимым указать еще на одну, важную применительно к нашей методологической теме, установку культурно-исторической эпистемологии. Она связана с особенностями обращения к истории науки в ходе конкретных научных исследований. Обычно потребность в такого рода обращении возникает при оценке соотношения и теоретического истолкования полученных результатов с имеющимся массивом научного знания. Культурно-историческая эпистемология требует, чтобы при осмыслении научных практик обращение к герменевтическому инструментарию было ориентировано на однозначность в истолковании соответствующей предметной области. А возможность достигнуть такой однозначности (хотя бы в некоторой, направляющей дальнейшее исследование, степени) открывается благодаря более или менее точному определению исторических контекстов развертывания исследования и прояснению методологических установок, которыми руководствовались и руководствуются исследователи.

Заметим, сегодня в рассуждениях о герменевтике усиленно подчеркивается ее релятивизирующий потенциал. Между тем, изначально существовала и иная линия развертывания герменевтических стратегий, на методологической актуализации которой, кстати, настаивал Шпет. «Герменевтика, – писал он, – ...составляет связующее звено между учением о методах исторического исследования и методах чистого изложения. Поэтому самое насущнейшее требование, которое теперь должна предъявить логика к философским принципам, состоит в том, чтобы нам был дан принципиальный анализ основных понятий герменевтики как теории исторического познания: в первую голову понятий *сообщения* и *понимания*» [Шпет, 2005, с. 247]. «К этим двум понятиям Шпет впоследствии добавит еще одно – *интерпретацию*, которая сегодня часто трактуется исключительно как ведущая к плюрализму мнений и размыванию знания... Однако Шпет напоминает нам, что интерпретация как герменевтическая процедура истолкования смысла в своем историческом осуществлении двигалась двумя путями. Первый – аллегорический – предполагает приращение смысла (Шпет называет такой способ истолкования «активной интерпретацией»...). Второй – исторический и грамматический – направлен на поиск точного, единственного конкретного смысла (пассивная интерпретация)... И если “приращивать” смысл можно произвольно и в разных контекстуальных системах, то поиск единственного смысла возможен только в конкретной (закрытой) системе, имеющей границы...» [Щедрина, 2018, с. 92]

Вместе с тем методологически эффективное обращение к этой традиции предполагает поворот к рефлексивному самосознанию отдельного ученого, который экзистенциально ориентирован на при-

общение к преемственной истории науки и последовательно представляет сообществу этот свой выбор. А учитывающий эту позицию эпистемологический анализ предполагает включение (можно даже сказать, возвращение) в поле методологической рефлексии ценностных установок научно-познавательной деятельности отдельных ученых – в частности, анализ их автобиографического нарратива как важной составляющей разработки методологических функций философии науки.

В качестве конкретизации этого общего тезиса можно отметить, что такой подход открывает возможности уточнения методологических установок практикующих ученых, с применением разработок натуралистической и формальной эпистемологий. В философско-методологической литературе констатировали, что сами по себе эти разработки недостаточны для прояснения реальных методологических соображений, на которые опираются практикующие ученые [Фролов, 2015]. Но если акцент будет сделан на эпистемологическом инструментарии, позволяющем дополнить экспликацию индивидуальных методологических установок их автобиографическим нарративом, такого рода уточнение становится возможным, по крайней мере, средствами формальной эпистемологии (опираясь на идеи Хинтикки [Hintikka, 1962]). В случае такого формального уточнения философско-методологические установки могут быть соотнесены с оценками эффективности научной деятельности исследовательских коллективов, выработанными на основе показателей цитирования (и других науковедческих параметров). При этом показатели цитирования, соотнесенные с формализованными методологическими установками, позволяють отслеживать динамику познания, опираясь на Байесовский подход, т.е. опираясь на личные вероятностные оценки самими учеными применения того или иного метода исследований.

Последнее наше рассуждение носит, так сказать, перспективный характер. Однако, повторим, возвращение нерелятивизирующего историзма в методологическую рефлексию современной науки становится возможным, на наш взгляд, только в том случае, если оно сопровождается развертыванием самосознания ученых к культурной цели научно-познавательной деятельности и соответствующим основополагающим ценностным параметрам науки. Ныне в этой сфере господствуют прагматически ориентированные установки. Именно они вводят философию науки в состояние кризиса. Она замкнулась в концептуальном конструировании и утратила связь с наукой. А у ученых пропал к ней интерес. Теоретические схемы, основанные на идеях постпозитивистской философии науки, на конструкциях Эдинбургской школы, на прямолинейной социологизации и столь же прямой историзации научной деятельности, фактически не выполняют никаких эпистемологических функций в их конкретных познавательных практиках. Сложившиеся подходы предлагают либо уникальные Case

studies некогда случавшихся в истории науки ситуаций («событий»), либо неограниченное расширение внешних социальных контекстов, релятивизируя при этом саму идею научного познания. Между тем, изначально и на протяжении практически всей истории науки целью ее как формы коллективного познания была разработка языка, способного обеспечить общезначимое видение мира, что достигается благодаря строгому использованию методов воспроизведения результатов индивидуального познания. Собственно, на возможности репликации знания и основывается коллективная познавательная деятельность – наука как рациональный, по своей сути, феномен культуры. И именно на этой базе предлагается переосмысление методологического потенциала философии науки. Культурно-историческая эпистемология отнюдь не претендует на какую-либо радикальную эпистемологическую новизну, но предлагает целостный взгляд на науку как часть интеллектуальной культуры, где и отдельные исторические кейсы, и широкие социологические обобщения находят свое методологически значимое место.

Список литературы

Галисон, 2018 – Галисон П. Коллективный автор // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 93–113.

Гумбольдт, 2000 – Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. под ред. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2000. 400 с.

Пронских, 2018 – Пронских В.С. Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 88–92.

Фролов, 2015 – Фролов К.Г. Эпистемология натуралистическая против формальной // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 65–73.

Шпет, 2005 – Шпет Г.Г. Мысль и слово. Избранные труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005.

Щедрина, 2018 – Щедрина Т.Г. Проблема понимания исторической реальности (методологический опыт Густава Шпета) // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 90–93.

References

Franklin, A., Laymon, R. *Once Can Be Enough: Decisive Experiments, No Replication Required*. Heidelberg: Springer, 2020. xii, 181 pp.

Frolov, K.G. “Epistemologiya naturalisticheskaya protiv formal'noi” [Naturalistic Version of Epistemology Versus Formal One], *Voprosy Filosofii*, 2015, vol. 5, pp. 88–92 (In Russian)

Galison, P. “Kollektivnyi avtor” [The Collective Author], in: *Voprosy filosofii*, 2018, no.5, pp. 93-113. (In Russian)

Galison, P. *Image and Logic: A Material Culture of Microphysics*, Chicago: University of Chicago Press, 1997, 982 pp.

Hintikka, J. *Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic Of Two Notions*, Ithaca, NY: Cornell University Press, 1962, 179 pp.

Humboldt, W. von. “O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniia na dukhovnoe razvitie chelovechestva” [Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts], trans. by G. Ramishvili, in: W. von Humboldt, *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow: Progress, 2000, pp. 37–300. (In Russian)

Perović, S., Sikimić V. “How Theories of Induction Can Streamline Measurements of Scientific Performance”, *Journal for General Philosophy of Science*, 2020, vol. 51, pp. 267–291.

Pronskikh, V.S. “Big Science Collaboration as a Challenge to Transcendental Subject”, *Voprosy filosofii*, 2018, vol. 5, pp. 88–92. (In Russian)

Pruzhinin, B.I., Shchedrina, T.G. “The Ideas of Cultural-Historical Epistemology in Russian Philosophy of the Twentieth Century”, *Social Epistemology*, 2017, vol. 31, no. 1, pp. 16–24.

Shchedrina, T.G. “Problema ponimaniya istoricheskoi real’nosti (metodologicheskii opyt Gustava Shpeta)” [The Problem of Understanding of Historical Reality (G.G. Shpet’s Methodological Experience)], *Voprosy filosofii*, 2018, no. 12, pp. 90–93. (In Russian)

Shpet, G.G. *Mysl’ i slovo. Izbrannye trudy* [Thought and Word. Selected Works]. Moscow: Rossiiskaya Politicheskaya Encyklopedia (ROSSPEN), 2005, 710 pp. (In Russian)